

Носов Павел Андреевич

студент

Российский Государственный Гуманитарный Университет (РГГУ)

Российская Федерация, г. Москва

ЗНАЧИМОСТЬ РУБЕЖА XVIII-XIX ВВ. В ТЕОРИИ

А.В. МИХАЙЛОВА

Аннотация:

Суть статьи составляет определение ключевых культурных изменений на рубеже XVIII-XIX вв., которые привели к краху «морально-риторической системы» А.В. Михайлова. С одной стороны, «интериоризация», как центральная категория учёного, описывающая внутреннее развитие культуры, а также переосмысление понятия «истории» и появление альтернативной возможности познания через «в́идение» - суть три элемента, наилучшим образом выразившие процесс завершения «риторической» эпохи. С другой, эстетическое в частности, культурное в целом, сходство рубежа XVIII-XIX веков с «дориторической» античностью выявляет целостность развития европейской цивилизации. Вместе процессы этих изменений должны показать, почему эта историческая «минута» стала центральным объектом исследовательского интереса А.В. Михайлова.

Ключевые слова:

Культурология, античность, рубеж XVIII-XIX веков, «морально-риторическая система», «интериоризация», «в́идение», И.В. Гёте.

Nosov Pavel Andreevich

student

Russian State University for the Humanities

Russian Federation, Moscow

***THE SIGNIFICANCE OF THE TURN OF THE XVIII-XIX CENTURIES IN
THE A.V. MIKHAILOV'S THEORY***

Annotation:

The definition of key cultural changes at the turn of the XVIII-XIX centuries which resulted in «moral-rhetorical system» collapse is the milestone of conducted research. On the one hand, «interiorization», which is the central scientist's category, describes inner cultural elaboration. Also reconsideration of the «history» concept and emerge of the alternative way of cognition through «vision» are the three elements which reveals in the best way the end of «rhetorical» era. On the other hand, aesthetic and cultural similarity of the turn of XVIII-XIX centuries and «pre-rhetorical» antiquity defines continuity of the European civilization development. In conjunction these change processes shall explain the reason this historical «minute» becoming focal in A.V. Mikhailov's studies.

Key words:

Cultural studies, antiquity, turn of the XVIII-XIX centuries, «moral rhetorical system», «interiorization », «vision», J.W. Goethe.

Культуре рубежа XVIII-XIX вв. посвящена значительная часть текстов А.В. Михайлова и этот временной период занимает одно из центральных мест в его исследовательском поле. Помимо интереса ученого к культуре этого времени, конец XVIII и первая четверть XIX веков – наиболее значимый момент в рамках концепции «морально-риторической системы»: завершившаяся «риторическая» эпоха сменяется «антириторической», реалистической или, как её называет А.В. Михайлов, «эпохой естественности и непосредственности». По сути, на рубеже XVIII-XIX вв. происходит становление более или менее современного восприятия мира: понятия динамичной истории, дистанции по отношению к прошлому, прогресса, первых предвосхищений развития массовой культуры. Скорости возрастают, в связи с чем меняется само представление о времени и пространстве. Переиначивая диадку К. Маркса, можно сказать, что именно культура в исследованиях А.В. Михайлова, является «базисом», а все остальные явления – «надстройками». «Морально-риторическая система», пронизывающая культуру, косвенно затрагивает все сферы жизни человека, однако являясь формой организации «слова», она, в первую очередь, проявляется в текстах культуры.

1. Представление об истории. Одно из наиболее важных изменений на рубеже XVIII-XIX вв. – это формирование восприятия истории как становления. Разграничивая понимание истории внутри «морально-риторической системы» и за её пределами, А.В. Михайлов пишет: «Одним словом, «история» есть описание, - откуда, впрочем, не вытекает, чтобы «история» была простым синонимом «эмпирии». Напротив, отсылаемая к описанию, а через него к наблюдению собственными глазами <...>, «история» в понимании XVII-XVIII вв., «история» до истории, выступает как наследница семантически сложно устроенного, многослойного и едва ли даже единого греческого слова <...>: historia (связанная со словом

видеть/ведать) подразумевает свидетельство собственных глаз, <...>»¹. Это определение сильно отличается от современного представления о понятии истории. Именно в конце XVIII века происходит последовательная трансформация этого понятия, вызванная целым комплексом причин, в том числе, изменением восприятия времени. И обе эти метаморфозы опосредуют друг друга: другое понимание истории меняет восприятие времени, но и появляется оно благодаря этому длительному процессу трансформации. Таким образом, на рубеже XVIII-XIX вв. история приобретает новый смысл – история как становление. Это значит, что с этого момента, начинает формироваться восприятие истории не статическое, а динамическое, где одно событие связано с другим, вытекает из него, а также нарушается то единое временное пространство, которое было характерно для «морально-риторической системы». Оно подразумевало возможность восприятия таких хронологически далёких авторов как Гомер или Пиндар как современных, а их смыслов, проблем, вопросов как актуальных, с которыми можно спорить, с которыми можно себя соотнести. Однако, вместе с появлением истории как становления, которое в европейскую культуру привнёс И.Г. Гердер, уходит это единое временное пространство «морально-риторической системы», античность становится бесконечно далека, а Гомер и Пиндар из современности проваливаются в прошлое. Восприятие времени неизбежно меняет восприятие культуры и её деятелей.

2. «Интерииоризация». А.В. Михайлов в самом начале своей статьи «Из истории характера» пишет: «Среди всяких знаков, в которых осмысливается совершающееся, особенное место занимают представления или понятия внутреннего и внешнего. Это знаки, на основе которых и как бы на фоне которых происходит многое в мифосемиотическом совершении»². А.В. Михайлов, наблюдая изменчивые взаимоотношения двух составляющих

¹ Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры // Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – с. 89

² Михайлов А.В. Из истории характера // Языки Культуры. Учебное пособие по культурологии. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 177 с.

категории «внутреннего/внешнего» во времени, показывает, как динамика её развития сказывается на всей европейской культуре. В целом отношения между внешним и внутренним характеризуются приматом одного над другим: либо внутреннее полагается первичным и обуславливает внешнее, либо наоборот. Движение этих взаимоотношений – от внешнего, которое формирует внутреннее, до внутреннего, которое проявляется во внешнем.

Граница, где на протяжении всей истории идет «борьба» внутреннего и внешнего, и которая поможет увидеть историю изменений этой категории – это лицо человека и его тело. История лица и тела человека начинается с их неразличимости в античной статуе, которая не изображает того или иного бога, а запечатлевает его реальное присутствие, таким образом не позволяя разделить предмет и изображение, внутреннее и внешнее. А.В. Михайлов отмечает, что уже в V в. до н.э. происходит разделение внешнего и внутреннего в восприятии и одновременно с этим начинается процесс «интериоризации», то есть все внешнее: чувства, боги, знания и т.д., постепенно переходят в сферу внутреннего. В соответствии с этим, пластичная, объемная статуя постепенно превращается в графическое, плоскостное изображение на монете, что тоже символизирует разрыв внешнего и внутреннего. К XVI веку, когда портрет становится главным живописным жанром, лицо уже совершенно отделено от тела, а скорость превращения внешних знаков во внутренние увеличивается.

Завершится этот процесс с окончанием «риторической» эпохи – в XIX веке. В этот момент характер станет набором внутренних черт уникальной личности, чувства будут выражать движения безграничной души, а Бог станет внутренней формой человека. Категория «внутреннего/внешнего», в таком случае, становится своеобразным проводником внутрь концепции А.В. Михайлова и одновременно границей, по которой проходит «мифосемиотическое совершение», а вместе с ним и культурно-историческое

движение, смена эпох, начало и завершение «морально-риторической системы».

Вместе с категорией «внутреннего/внешнего» А.В. Михайлов в статье «Из истории характера» вводит смежную с ней категорию «видимого/невидимого», которая всегда меняется вместе с первой и является ее другим обликом: «Видимое и невидимое соосмысляются вместе с внешним и внутренним»³. Метаморфозы, происходящие с «внутренним/внешним» всегда отражаются на представлениях о «видимом/невидимом». В Древней Греции сущность была видимой и изображаемой, а в XIX веке её окончательное выражение невозможно, то есть она перешла в режим невидимого. Категория «видимого/невидимого» особенно важна, когда речь идет об изобразительном искусстве, о живописи. И рубеж XVIII века, который А.В. Михайлов все время сопоставляет с греческим культурным чудом VI-V в. до н.э., интересен, в том числе, особым положением «внутреннего/внешнего», «видимого/невидимого», относительно предыдущего и последующего периодов.

В XVIII веке процесс «интериоризации» получает новый виток, после которого он завершается, а именно, «овнутрение» доходит до таких пределов, когда внешнее и внутреннее вновь сливаются и культура переходит в состояние нераздельности этих двух категорий, то есть в «дориторическое» состояние. Однако рефлексия процесса углубления в античность, приближения к ней, а также видение всего того внешнего, что стало внутренним, преобразует пластическую нераздельность внутреннего/внешнего в ситуацию тотального погружения внутрь, когда все воспринимается из точки родившейся личности, «Я». С «овнутрением» самого древнего из известных и тесно связанных с европейской культурой периодов, процесс «интериоризации» завершился. Одновременно всё до того

³ Михайлов А.В. Из истории характера // Языки Культуры. Учебное пособие по культурологии. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 177 с.

времени внешнее, обратилось во внутреннее, а античность из идеала, которому нужно подражать и с которым нужно состязаться, в далёкий мир, который современность превзошла.

Апофеозом «овнутрения», как уже было сказано, становится появление новой «личности», которая способна вместить в себя всё то, что раньше полагалось внешним. Если говорить о том, кто задал конфигурацию этой «личности», то это собеседник И.Г. Фюссли – И.К. Лафатер – швейцарский автор одного из наиболее известных трактатов по физиогномике. Говоря о роли И.К. Лафатера в завершении «риторической» эпохи, А.В. Михайлов описывает эстетику сентиментализма, в рамках которой чувство, еще внешнее, понимаемое как аффект, охватившая человека страсть, активно рефлексивируется. Рефлексия при отсутствии контроля над чувством, отделяет понятие «сентимента» от того чувства, которое испытывает личность в XIX веке, когда она его присваивает и «овнутряет». Такого рода активное самонаблюдение и саморефлексия определяют базовые категории для «Я», определяющие его характер, который будет транслироваться в подавляющем большинстве текстов «антириторической» эпохи.

А.В. Михайлов в статье «Характер и личность в немецкой литературе XVII века» описывает свойства характера в «антириторическую» эпоху, которые отделяют его от «морально-риторической системы»: «<...> во-вторых, такой «характер», или «тип», всегда пребывает в движении, то есть взаимопроникновение вещества и смысла частного и общего тоже не установлено раз и навсегда, но только все время устанавливается, - это динамическое отношение. Внутри человеческого облика проникает движение и действие, и поэтому он, в своей динамичности, никак не может быть замкнут в какую-то устойчивую и неподвижную поверхность, будь то печать или монета»⁴. В контексте этой цитаты, исследователь противопоставляет характер «реалистический» барочному и античному, но и в том и в ином

⁴ Михайлов А.В. Характер и личность в немецкой литературе XVII века // сб. Проблемы портрета. – М.: Сов. Художник, 1973. – 121 с.

случае – риторическому. А.В. Михайлов выстраивает цепочку метафор, описывающих состояние характера в античности, барокко и на рубеже XVIII-XIX веков. Античный «характер» - это печать на монете, барочный – отражение в зеркале. В XIX веке к одному отражению добавляется серия других, появляется внутренний взгляд, находящийся в беспрестанном движении от зеркала к зеркалу. Внутреннее движение обуславливается появлением представления об истории как развитию, становлению из глубины в современность, а внутренний взгляд - новой конфигурацией личности, имеющей бесконечно глубокий внутренний мир, способный вместить бесконечно количество зеркал и их отражений.

3. Видение.

Категории внутреннего/внешнего и видимого/невидимого, как уже было показано ранее, тесно переплетены у А.В. Михайлова. Вместе с изменением одной пары, меняется и вторая. XVIII век – век Просвещения – выводит категорию видения в авангард эстетических концепций. Просвещение с самого начала понимает себя, как то, что даёт свет, познание, уводит от тьмы и невежества. Так, например, Ж. Старобинский в своём исследовании культурных предпосылок возникновения Великой Французской Революции в статье «1789 год: эмблематика разума» обозначает главную тему именно как соотношение света – разума - и возвращающейся тьмы – страстей – на протяжении всего рубежа XVIII-XIX веков. С другой стороны, античность, которая в рамках «морально-риторической системы» наиболее глубоко изучается именно в XVIII веке, также обнаруживает грань толкования через теории видения. Речь идёт о понятии пластического, объемного, с которым соотносится, к которому сводится античное искусство на рубеже XVIII-XIX веков. Объемная статуя или архитектура, которая также понимается через категорию пластичности, воспринимаются телесно и визуально, при том, что осязание и видение к концу XVIII века представляются единым чувством. На протяжении всего

XVIII века возникает множество концепций видения, которые с разных сторон взаимодействуют со словом, знанием и искусством. Единство света, слова и познания, в логике А.В. Михайлова, связывают Просвещение с «морально-риторической системой», внутри которой эта эпоха, по большей части, существует. Развитие теорий видения и соединение их с человеческим телом, как идеалом прекрасного, постепенно выводит их за рамки «риторической» эпохи.

Одна из таких теорий, наиболее тесно связанная с фигурой И.Г. Фюссли – это «энаргейя» И.Я. Бодмера – швейцарского писателя, филолога и его собеседника И.Я. Брейтингера. А.В. Михайлов описывает влияние И.Я. Бодмера как центрального швейцарского мыслителя первой половины XVIII века на всю европейскую культуру в своей статье «И.Я. Бодмер и его школа». В ней он говорит не только о И.Я. Бодмере и придуманной им, совместно с И.Я. Брейтингером, эстетике «энаргейи», но также и об окружении, выросшем в постоянных беседах с И.Я. Бодмером, находящимся в прямой зоне влияния его личности и его концепции. А.В. Михайлов из этого окружения выделяет Ф.Г. Клопштока, К.М. Виланда, И.Г. Фюссли, каждый из которых распространил в своём творчестве эстетику «энаргейи» в другие культурные центры Европы, соответственно, в Германию, Францию и Англию.

Другая теория видения, которая повлияла на всю европейскую культуру на рубеже XVIII-XIX века и сформировала вокруг себя целое направление мысли – это концепция «солнцевидного глаза» И.В. Гёте. Суть этой теории заключается в центральном месте глаза как органа познания мира. А.В. Михайлов пишет: «Гёте был в состоянии вдохнуть вторую жизнь и в представления Винкельмана, и в идеи Гердера, — у них, в их восприятии, античная пластика уже начинает оживать на глазах, словно статуя у Пигмалиона, но еще лежит на ней след отвлеченности, абстрактных ученых, «антикварных» штудий. А. Ланген показал, как совсем молодой Гёте

подхватывает на лету гердеровскую мысль о первенстве «чувства» (осозания, ощущения) перед всеми иными чувствами. Гёте — это «человек глаза»; глаз для него — главный инструмент познания»⁵. Так, например, в «Римских элегиях», которые А.В. Михайлов называет «ненаписанными трактатами», есть известная формулировка «Учится глаз осязать, учится видеть рука»⁶, которая связывает не только два способа чувствования, познания мира, но, одновременно, устанавливает соответствие рубежа XVIII-XIX вв. и античности, образы которой постоянно возникают в воображении И.В. Гёте во время его пребывания в Риме. То есть, античность и начало XIX века оказываются связаны телесно, через ощупывание рукой и взглядом, и это есть идеальное выражение категории пластичности. В другом месте в тех же «Римских элегиях» И.В. Гёте сравнивает свои стихи с цветами так, но не просто метафорически, а именно исходя из концепции «органицизма»: стихи точно также вырастают из пространства Рима, как цветы из земли. И этот поворот уводит категорию пластического от морально-риторических наслоений, которые как бы сдерживают пророческие идеи И.Г. Гердера. Таким образом, «видение» оказывается еще одной категорией, которая приближает конец «риторической» эпохи.

Все эти изменения, происходящие на рубеже XVIII-XIX века, способствовали завершению «морально-риторической системы» и переходу к «антириторической» или реалистической эпохе. В этом заключается одно объяснение центрального положения этого периода в рамках концепции А.В. Михайлова. Другое состоит в сближении исследователем начала и конца «риторической» эпохи, внутренним соответствием античности и рубежа XVIII-XIX вв. Параметры этого соответствия в полной мере выразила в своем творчестве фигура И.В. Гёте. Однако условием возможности возникновения явления И.В. Гёте стала деятельность И.Я. Бодмера в первой

⁵ Михайлов А.В. Гёте и отражение античности в немецкой культуре на рубеже XVIII-XIX веков // Языки Культуры. Учебное пособие по культурологии. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 573 с.

⁶ Гёте И.В. Римские элегии // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1. Стихотворения. – М.: «Художественная литература», 1975. – 186 с.

половине XVIII века, во многом, определившая магистральные пути всей европейской культуры в его второй половине и на рубеже XVIII-XIX вв.

Дело в том, что деятельность И.Я. Бодмера была, во многом, направлена на создание «нового корпуса классических текстов», собранного вокруг эпических поэм Гомера. В него вошли не столь высоко чтимые к тому времени авторы как: Шекспир, Мильтон, Данте, а также национальные мифологические тексты, как «Песнь о Нибелунгах». Переводя их гекзаметром, швейцарский мыслитель искал в них эпический элемент, образцом которого служили поэмы Гомера. Таким образом, И.Я. Бодмер был основоположником нового этапа углубления познания античности.

Вплоть до 1832 года, когда И.В. Гёте умирает, немецкий поэт, критик, мыслитель соотносит себя с античностью, называет себя греком. Это соответствие проявляется, главным образом, в его поездке в Рим в 1786 году. Изначально И.В. Гёте воспринимал её как путешествие в античность, так как Рим был не столько сохранившимися руинами Римской империи, но прямым доступом в Древнюю Грецию, которой он наследовал. Такой доступ открывала для И.В. Гёте его специфическая концепция видения, следуя которой, сущность может быть увидена без специального аналитического усилия, стоит только «открыть глаза». И.В. Гёте называет таким образом видимые сущности «священно-откровенной тайной»⁷ - определение, которое совмещает в себе внутреннее и внешнее, создавая единый, целостный организм. Такого рода концепция не может не напомнить древнегреческое созерцание, как принцип познания.

Как человеческое тело – это идеальная форма на рубеже XVIII-XIX вв., так и античная скульптура представлялась И.В. Гёте идеальным выражением «священно-откровенной тайны». Её представление обнажённого тела не нуждается в аналитическом углублении, так как её сущность выступает на её

⁷ Михайлов А.В. Гёте и отражение античности в немецкой культуре на рубеже XVIII-XIX веков // Языки Культуры. Учебное пособие по культурологии. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 582 с.

поверхности, в её объеме. В этом смысле, Рим был идеальным местом для, ищущего античность, взгляда И.В. Гёте, так как в этом городе всё выступает наружу, всё проявляет себя, всё «овнешнено». А.В. Михайлов пишет, что в восприятии И.В. Гёте Рим был Афинами, где «камни диктуют поэзию». Наиболее ясно это показывает сам немецкий поэт в своём «Итальянском путешествии», написанном уже в 1816-1817 гг.⁸. Колизей для И.В. Гёте представляется не только и не столько произведением искусства, сколько импульсом к художественному описанию того, что его окружает, и поводом задуматься о природе, о том, как в этом месте меняется значение Луны и Солнца, которые совсем не являются осветительными атрибутами римской руины. Природа в целом и её элементы в частности увеличиваются вместе с появлением Колизея, а он, в свою очередь, оживает, врастая в окружающий мир. Чтобы показать силу воздействия Рима на него, И.В. Гёте описывает целостность образа, заключающего в себе не только архитектурные постройки, но и природу и людей вокруг. «Итальянское путешествие» изобилует описаниями деревьев, углублением в принципы их роста. Природа, видимое вообще, здесь неотъемлемая часть истории, а её освоение в восприятии И.В. Гёте требует внимательного взгляда на всё, что выступает наружу. И.В. Гёте пишет: «Явления природы, все равно, что искусство»⁹, таким образом, не просто приравнивая одно к другому, но сливая их воедино, образуя целостность природно-искусного, через которое автор может познать Рим, античность, историю вообще.

Связь И.В. Гёте и античности, обусловленная развитием европейской культуры в первой половине XVIII века, многократно отражалась в его творчестве. И.В. Гёте совместно с Шиллером создает ориентированный на искусство древности журнал «ПроPILEи», пишет трагедии по образцам греческих, эпос, статьи о прекрасном. Количество его трудов, посвященное

⁸ Гёте И.В. Из «Итальянского путешествия» // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. – М.: «Художественная литература», 1975. – 84 с.

⁹ Гёте И.В. Из «Итальянского путешествия» // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. – М.: «Художественная литература», 1975. – 85 с.

античности можно сопоставить с количеством текстов, в которых А.В. Михайлов исследует рубеж XVIII-XIX вв. И каждый раз эта связь подтверждается и поддерживается общностью категорий идеального тела, пластичной скульптуры, видения, единством природы и искусства.

Рубеж XVIII-XIX века – этот сплав древнего и нового в наибольшей мере воплотился в фигуре И.В. Гёте, устремленность которого к изучению античности усилило объединение, современного немецкому мыслителю, конца XVIII века и «дориторической» античности и ускорило завершение «риторической» эпохи.

Использованные источники:

1. Гёте И.В. Римские элегии // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1. Стихотворения. – М.: «Художественная литература», 1975. – 183-196 с.
2. Гёте И.В. Из «Итальянского путешествия» // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. – М.: «Художественная литература», 1975. – 5-242 с.
3. Михайлов А.В. Гёте и отражение античности в немецкой культуре на рубеже XVIII-XIX веков // Языки Культуры. Учебное пособие по культурологии. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 564-595 с.
4. Михайлов А.В. Из истории характера // Языки Культуры. Учебное пособие по культурологии. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 176-210 с.
5. Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры // Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 5-224 с.
6. Михайлов А.В. Характер и личность в немецкой литературе XVII века // сб. Проблемы портрета. – М.: Сов. Художник, 1973. – 95-127 с.